

УДК 94 (38)

ПРОДОЗИА: ФЕНОМЕН ПРЕДАТЕЛЬСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

© 2016 г.

Э.В. Рунг

Казанский федеральный университет, Казань

Eduard_Rung@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2016

Рассматриваются основные историографические подходы к определению феномена предательства в классической Греции, а также сведения древнегреческих авторов, которые позволяют судить о восприятии греками предательства и предателей. Греки понимали предательство в узком смысле как целый ряд конкретных действий, направленных на сотрудничество с врагом (переход на сторону неприятеля или сдача противнику своего родного города), а также и в широком смысле – любые действия, направленные во вред своему родному полису, которые не предполагали совершение акта прямой измены – переход на сторону врага. Предательством греки могли считать и уклонение от военной службы, неудачную военную кампанию, проведенную стратегом, или же поражение в битве, провальный для афинян исход переговоров во время дипломатической миссии, приводивший к обвинению послов в подкупе, наконец, даже оставление кем-либо города в условиях военной опасности, и прочие действия, которые не соответствовали нормам патриотического поведения законопослушного гражданина полиса. Таким образом, клише «предателя» в Греции получали не только замеченные в связях с врагами, но и все те, кто не проявил должного радения об интересах отечества. Предательство в понимании греков было противно самому духу гражданского коллектива, нарушало его сплоченность, подрывало моральный дух, а потому должно было быть сурово наказано. В афинском праве наказание предателей определялось законами, в которых предательство ставилось в один ряд с другими тяжкими государственными преступлениями, такими как стремление к тирании, намерение свергнуть демократию, святотатство, – наказаниями за них была смертная казнь.

Ключевые слова: Древняя Греция, предательство, измена, патриотизм, греческое право.

В историографии феномену предательства в классической Греции до последнего времени уделялось весьма незначительное внимание. Прежде всего исследователей привлекает фактор предательства в контексте социально-политической борьбы. У истоков изучения темы именно в данном ракурсе стоял Дж.М. Кальхун, который одним из первых рассматривал предательство в связи с деятельностью олигархических группировок в древнегреческих полисах, нацеленных на свержение демократии при помощи внешней силы [1, р. 141–147]. В подобном направлении предпринимал исследование А.-Г. Круст, который в своей небольшой статье «Предательство и патриотизм в древней Греции» уделял внимание действиям предателей в рамках политической борьбы в греческих полисах архаического и классического периода [2]. Исследователь отмечает: «Всякий раз, когда город оказывался под угрозой военного вторжения, мы всегда находим группировку внутри города, желающую предать его врагу с целью получения политического господства, если необходимо, при вооруженной помощи внешнего захватчика» [2, р. 283]. Рассматривая эпизоды политической борьбы в греческих полисах, Круст соотносит их с позицией отдельных группировок или же политиков по отношению к внешним врагам, стремится объяснить действия первых с уч-

том явлений полисного патриотизма или предательства. Также и Г. Херман соотносит предательство и патриотизм, считая их значимыми факторами в истории Древней Греции в целом [3, р. 156–161].

Л.А. Лозада рассматривает феномен предательства в своей монографии, посвященной так называемой «пятой колонне» в период Пелопонесской войны [4]. Автор оперирует современной терминологией, восходящей ко времени гражданской войны в Испании в 1936 г. и широко применяемой для обозначения сторонников Гитлера в странах Европы и США [5–6], причем метафоричной, однако по существу он связывает «пятую колонну» именно с предательством, как это очевидно по его следующему замечанию: «Пятая колонна определяется как группа или группировка в государстве, которая действует предательски или губительно в сотрудничестве с врагом» [4, р. 4]. Однако понятно, что при таком подходе к теме измены внимание уделяется прежде всего организованным группам, которые выступают проводниками и защитниками интересов врагов и, вследствие этого, готовы к осуществлению предательства по политическим мотивам. В таком случае затрагивается только один аспект феномена предательства в Греции, но совершенно игнорируется другой – измена отдельных лиц, которые

были вне группировок и потому не руководствовались политическими мотивами.

Другое направление изучения предательства в Греции связано с вниманием исследователей к политико-правовым аспектам обвинения в измене. Например, Д.М. Макдауэлл рассматривает предательство с точки зрения афинского права [7, р. 175–191]. Исследователь стремится выявить содержание понятий «измены» и «предательство» в афинском праве и приходит к выводу, что они не идентичны. По мнению автора, предательство – это лишь частный случай измены как такой; последняя же включала в себя, помимо предательства, свержение демократии, а также подачу заведомо ложных сведений народу и Совету. Макдауэлл рассматривает процедуру обвинения в предательстве и основные судебные процессы.

В последнее время феномен предательства в Древней Греции с самых различных сторон рассматривала французская исследовательница А. Кейрель-Боттино. В своей монографии и в ряде статей она обстоятельно изучала восприятие измены древними греками, а также конкретные проявления предательства в истории Афин V в. до н.э. [8–11].

По мнению Боттино, слово *продосия* соответствует тому, что понимают под современным словом «предательство»: по своему значению оно определяет юридически и фактически действия, осуществляемые против общины со стороны ее членов в пользу врагов [8, р. 25–28]. Исследовательница выступила также и организатором конференции, по результатам которой был издан сборник докладов [12], в котором известные ученые рассматривают греческую терминологию предательства [13], восприятие личностей предателей греками [14], предательство с точки зрения закона [15], соотношение войны и предательства [16].

Наконец, особое внимание в современной историографии уделяется феномену *мидизма* – персоны предательства в период Греко-персидских войн и соотношению *мидизма* с предательством [17–22]. Именно *мидизм* некоторые современные исследователи уподобляют современному явлению коллаборационизма [23–25], относимому в историографии к периоду Второй мировой войны [26–28]. Так, например, К. Таплин определяет *мидизм* как «акт предательского сговора грека, против свободы другого грека», как «фактически анти-греческое, направленное против свободы, сотрудничество (collaboration) с Персией» [21, р. 162–163].

В данной статье не предполагается рассмотрение всех случаев предательства в классической Греции. Нашей задачей является попытка обозна-

чить греческое понимание этого явления, отчасти затронув и феномен *мидизма*, который мы подробно исследовали в других работах [29–33]. Начнем с того замечания, что если греки понимали предательство «в узком смысле», то они имели в виду целый ряд конкретных действий, направленных на сотрудничество с врагом, – переход на сторону неприятеля или сдачу противнику своего родного города.

Общую оценку предательства в Греции дает писатель II в. н.э. Павсаний в своем «Описании Эллады» (VII. 10. 1): «Суждено было, чтобы гнуснейшее из преступлений (τολμημάτων δὲ τὸ ἀνοσιότατον) – предательство родины и сограждан ради личных выгод (τὴν πατρίδα καὶ ἄνδρας προδιόντας πολίτας ἐπὶ οἰκείοις κέρδεστι), – испокон веков знакомое Элладе, послужило и для ахейцев началом бедствий (как это имело место и для других). При Дарии, сыне Гистаспа, когда он был царем персов, погибло все дело ионян, потому что все самоские триерархи, кроме десяти человек, предали (персам) ионийский флот. После подчинения ионян персы сделали своими рабами и жителей Эретрии; ее изменниками оказались наиболее знатные люди в Эретрии, Филагр, сын Кинея, и Эвфорб, сын Алкимаха. Во время нашествия Ксеркса на Элладу Фессалия была предана изменником из рода Алевадов; предателями Фив были Аттагин и Тимегенид, облеченные высшими должностями в Фивах. Во время войны пелопоннесцев и афинян элеец Ксений попытался предать Элиду лакедемонянам и их царю Агису. Так называемые «друзья» Лисандра не переставали интриговать против своих родных государств, стараясь отдать их в руки Лисандра. В правление Филиппа, сына Аминты, из всех городов Эллады, как можно видеть, один только Лакедемон не испытал на себе предательства; все же остальные греческие города гибли от предательства больше, чем прежде от чумной болезни...». Далее Павсаний переходит к краткому перечислению случаев предательства, которые имели место уже позднее, в эллинистический период греческой истории.

Наиболее ранний случай измены ассоциируется в античной традиции с деятельностью Эврибата в 546 г. до н.э. Он был уроженцем Эфеса, доверенным человеком лидийского царя Креза, но заслужил у своих современников и потомков репутацию предателя и негодяя (Нарцис. s.v. Εὐρύβατον; Суид. s.v. Εὐρύβατος πονηρός; Зонар. s.v. Εὐρύβατεύεσθαι. Πονηρεύεσθαι; Диод. IX. 32). По сведениям Эфора, Крез послал Эврибата в Пелопоннес с некоторой суммой денег для того, чтобы он привел ему эллинских наемников для войны с персами, однако Эврибат перешел на

сторону Кира, передал ему все деньги, а также изложил ему военные планы лидийского царя (Ephor. FGrHist. 70. F. 58a-d). В дальнейшем греки даже употребляли выражение «дело Эврибата» (Dem. XVIII. 24; Hesych. s.v. Εὐριβάτου πρᾶγμα), а негодяи-предатели стали называться «эврибатами» (Suid. s.v. Εὐρύβατον ἄνδρα; Εὐρυβατεύεσθαι; Zonar. s.v. Ευρυβατεύεσθαι; Eustath. Comm. ad. Hom. II. V. I. 171; ad. Od. V. II. 201–202).

В период Греко-персидских войн сторонники персов считались предателями в тех полисах, граждане которых сделали выбор в пользу сопротивления персидским вторжениям. Интересные свидетельства по соотнесению мидизма с предательством дает, например, афинский материал, в частности инвективы на острака, которые были обстоятельно проанализированы И.Е. Суриковым [34, с. 75]. Согласно этим данным, Калликсен, сын Аристонима, на одном из острака назван «предателем» – [ho πρ]οδότες; на другом – указана его родовая принадлежность – «из Алкмеонидов» – ['Αλκ]μεονίδον; Менон причисляется к числу предателей – ἐκκ προ[δοτ]ῶν, Леагра требуют изгнать за то, что он совершил предательство – hότι ἐπροδίδοσε. Однако Габроних на острака называется совершившим мидизм – μεδίζοντι, а Каллий, сын Кратия – и даже вовсе «мидийцем» – Μέδος, ho Μέδος, ἐγ Μέδον, ἐκ Μέδον. Согласно замечанию оратора Ликурга (I. 117), афиняне после осуждения *in absentia* Гиппарха, сына Харма, уже изгнанного остракизмом в 488/7 г., едва ли не самым первым после Марафонской битвы, в негодовании стащили с акрополя его статую, расплювили ее и постановили написать на сделанной из нее стеле имена как самого Гиппарха, так и других «предателей».

Однако, с точки зрения греков, объединившихся в Эллинском союзе против Персии в 481 г. до н.э., те из политиков, которые перешли на сторону персов, или же сторонники персов в отдельных городах также рассматривались как предатели. Приверженцы персов были отмечены в Фессалии, Беотии, Эгине, Эретрии, Афинах и других местах¹. Но «предателями Греции» (προδόται τῆς Ἑλλάδος: Hdt. VIII. 31) объявлялись не только лица, непосредственно сотрудничавшие с персами против греков, но и все граждане тех греческих полисов, которые заняли сторону персов в период греко-персидского конфликта (Hdt. VIII. 128). Впервые описание мидизма как предательства Греции именно в таком контексте встречается в источниках в связи с политикой Эгина в 490 г. до н.э. Геродот сообщает, что согласие эгинцев подчиниться персам афиняне восприняли как подходящий повод к возобновлению враждебных действий против них и направили своих послов в

Спарту с тем, чтобы обвинить эгинцев в предательстве Эллады (προδότες τὴν Ἑλλάδα: Hdt. VI. 49) и спровоцировать вторжение на этот остров. Другой непосредственный пример отождествления мидизма с изменой предстает в ответе фокейцев на предложение своих врагов фессалийцев: заплатить определенную денежную сумму, чтобы уберечь свою страну от бедствий предстоящего персидского вторжения в 480 г. до н.э. Фокеицы отвергли это предложение, заявив о том, что они могли, если бы захотели, подобно фессалийцам перейти на сторону персов, но они никогда добровольно не будут предателями Эллады (Hdt. VIII. 30). Геродот проводит параллели между мидизмом и предательством и при обращении к роли Афин в период Греко-персидских войн. Особенно это становится очевидно при изложении «отцом истории» афинского ответа спартанским послам, опасавшимся заключения договора Афин и Персии в 479 г. до н.э.: «Нет на свете столько золота, нет земли столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и поработить Элладу». Заключить мир с Ксерксом, по словам афинян, – значит предать кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношение на празднествах и одинаковый образ жизни, стать предателями – не благо для афинян (Hdt. VIII. 144). Диодор Сицилийский называет предателями (προδόται) всех без исключения греков, которые перешли на сторону персов или сотрудничали с ними в дальнейшем. Перечисляя греков, которые предпочли капитулировать перед персами в 480 г. до н.э., он называет их «предателями общей свободы» (προδόται τῆς κοινῆς ἐλευθερίας: XI. 3. 1). Диодор упоминает также об обвинениях в предательстве (προδοσίᾳ), выдвинутых против спартиата Павсания (XI. 46. 1; 54. 2–3) и афинянина Фемистокла (XI. 54. 5; 55. 4, 8; 56.2).

Вопрос о соотнесении мидизма с предательством периода Греко-персидских войн фактически можно ставить в той же плоскости, что и вопрос о соотнесении коллаборационизма с предательством в период Второй мировой войны [31]. Как можно судить по тексту греческой клятвы, направленной против персофилов, наказанию подлежали только добровольные сторонники персов, и, таким образом, только они могли считаться предателями: «...с тех, которые передались персу, будучи эллинами, не вынужденные к тому необходимости, в случае хорошего исхода дел, сбратъ десятину в пользу бога в Дельфах» (Hdt. VII. 132). Однако, определенно, что в условиях военного времени предатели Греции не всегда подлежали судебному преследованию в своих собственных городах, и решение вопроса об их

наказании было в ведении участников войны против Персии, а исполнение решения входило в полномочия стратегов, которые осуществляли командование войском и флотом греков. Поэтому наказание предателей часто было связано с ведением военных действий против их городов².

Так, после своей победы в Марафонской битве в 490 г. до н.э. афиняне побудили спартанского царя Клеомена I совершить вторжение на Эгину. Последний, переправившись с войском на остров, взял в заложники представителей персофильской группировки и поместил их в Афинах (Hdt. VI. 49–50, 73, 86). Поводом для нападения Мильтиада Младшего на остров Парос в 489 г. до н.э. стало предоставление паросцами своих триер для перевозки персов на побережье Аттики к Марафону (Hdt. VI. 133). После же победы греков при Платеях в 479 г. до н.э. Павсаний, стратег Эллинского союза, осадил Фивы, потребовав выдать сторонников персов (Hdt. IX. 86–88), а спартанский царь Леотихид совершил вторжение в Фессалию для наказания Алевадов (Hdt. VI. 72; Plut. De Her. malign. 859d; Paus. III. 7. 8). Наконец, Фемистокл во главе флота предпринимал карательные рейды по греческим островам, принуждая их к капитуляции и взыскивая денежные суммы за их поддержку персов (Hdt. VIII. 112, 121). Из числа политиков в Коринфе были казнены фиванские персофилы (Hdt. IX. 88), а из частных лиц – изгнанию за мидизм подвергся поэт Тимокреонт Родосский (Plut. Them. 21).

Кроме того, источники отмечают, что в период вторжения Ксеркса нередки были случаи прощения предателей (не сумевших по разным причинам воплотить в реальность свои планы), вероятно, с той целью, чтобы оставить возможность другим предателям отказаться от своих преступных замыслов. Примером неудачной попытки предательства являются действия скионского стратега Тимоксейна, который договорился с персидским военачальником Артабазом о передаче города Потидеи в руки персов в 479 г. до н.э. Геродот (VIII. 128) сообщает об этом случае следующее: «Всякий раз, когда Тимоксейн писал записку, желая отослать Артабазу, или Артабаз Тимоксейну, то письмо прикреплялось к зарубкам на нижнем конце стрелы (так, чтобы она была покрыта перьями), и затем стрелу пускали в условленное место. Однако замысел Тимоксейна предать Потидею открылся. Именно Артабаз, выпустив стрелу в условленное место, промахнулся и поразил в плечо какого-то потидейца. Около раненого собралась толпа народа, как это часто бывает на войне. Люди тотчас вынули из раны стрелу и, заметив записку, отнесли ее военачальникам (в городе находились военачальники вспомогательных отрядов союзных городов Паллены).

Те прочитали записку и открыли изменника. Однако было решено не клеймить Тимоксейна как изменника ради города скионян, чтобы в будущем скионян вечно не звали предателями. Так-то было открыто предательство».

Другой эпизод прощения предателей сообщает Плутарх (Arist. 13) при описании заговора в лагере греков, который имел место непосредственно перед битвой при Платеях в 479 г. до н.э.: «Положение всей Греции было очень непрочным, но самым тяжким оно было для афинян; и вот в таких-то обстоятельствах люди из знатных домов, прежде очень богатые, а теперь обращенные войною в бедняков, видя, что вместе с деньгами их покинули слава и влияние, что почести и власть над согражданами перешли в другие руки, тайно собирались в каком-то доме в Платеях и сговорились свергнуть власть народа, а если им это не удастся – все пустить прахом и передать государство персам. Все это происходило в лагере, и очень многие были уже вовлечены в заговор, когда о нем узнал Аристид; опасаясь действовать круто в такое тревожное время, он решил не оставлять дела без внимания, но и не раскрывать его до конца: ведь неизвестно было, сколь значительным окажется число изобличенных, если вести расследование, сообразуясь лишь со справедливостью, а не с пользой. Итак, он приказал задержать всего восемь человек; из них двое, которые первыми были привлечены к суду, да и виноваты были больше всех, ламптриец Эсхин и ахарнянин Агасий, бежали из лагеря, остальных же Аристид отпустил, желая приобщить тех, кто считал себя еще незаподозренным, и дать им возможность раскаяться. Он добавил, что битва будет для них великим судилищем, где они честной и усердной службой отечеству очистят себя от всех обвинений»³.

Различные эпизоды предательства отмечаются в античных источниках и применительно к истории Пелопоннесской войны⁴. Особенно часто факты предательства приводит Фукидид, который сообщает о том, что обе воюющие стороны, как афиняне, так и спартанцы, часто прибегали к измене при захвате враждебных городов. Так, по сведениям историка, в 425 г. до н.э. афинский военачальник Симонид собрал небольшой отряд из воинов афинских гарнизонов и из союзников и, воспользовавшись содействием изменников, овладел г. Эйоном, враждебной афинянам мендейской колонией на фракийском побережье, но был выбит из города подоспевшими халкидянами и боттиями, потеряв при этом большое количество людей (IV. 7). Позднее другой афинский стратег, Демосфен, рассчитывал путем измены захватить город Сифы в Беотии, но не смог осуществить свое намерение (IV. 77, 101). Однако в том же

году афиняне выступили из Навпакта вместе с акарнанами в поход на коринфский город Анакторий и, воспользовавшись предательством, овладели им (IV. 49). Далее, согласно сведениям этого же историка (IV. 81), спартанский военачальник Брасид, посланный с войском во Фракию, «большинство городов склонил к отпадению от Афин, а другими овладел при помощи измены». По сообщению же Ксенофона (Hell. I. 3. 18), пять военачальников, которые находились на спартанской службе – Кидон, Аристон, Анаксикрат, Ликург и Анаксилай, передали город Византий афинской армии под командованием Алкивиада в 408 г. до н.э. Как далее замечает историк (Hell. I. 3. 18), Анаксилай был впоследствии привлечен к суду в Лакедемоне за это предательство, и ему угрожала смертная казнь, но он добился оправдания, указав, что он не предал города, но спас его, видя, как гибнут от голода женщины и дети. Как отмечает Ксенофонт, Анаксилай заявлял на суде, что он византиец, а не лакедемонянин, а весь хлеб, бывший в городе, был отдан лакедемонским солдатам, потому он впустил в город врага не вследствие подкупа и не из ненависти к лакедемонянам.

Однако греки понимали предательство и «в широком смысле» – любые действия, направленные во вред своему родному полису, которые не предполагали совершение акта прямой измены – переход на сторону врага. В этой связи предательством греки могли считать и уклонение от военной службы⁵, неудачную военную кампанию, проведенную стратегом, или же поражение в битве⁶, провальный для того или иного полиса исход переговоров во время дипломатической миссии, когда послы могли быть обвинены в подкупе⁷, наконец, даже оставление города в условиях военной опасности, и прочие действия, которые не соответствовали нормам патриотического поведения законопослушного гражданина полиса.

Обвинения в предательстве зачастую были связаны с кризисной ситуацией, в которой оказался город. Наиболее известным стало «Аргинусское дело» – судебный процесс над афинскими стратегами-победителями. Последние, находясь во главе флота, нанесли поражение спартанской эскадре в сражении при Аргинусских островах в 406 г. до н.э. Шесть стратегов обличались в том, что они не смогли оказать действенную помощь своим морякам, оказавшимся за бортом кораблей во время морской битвы, были официально обвинены в предательстве (*пробοσίαν καταγύοντες*: Xen. Hell. I. 7. 33), приговорены к смерти и казнены⁸.

В 392/1 г. до н.э., в разгар Коринфской войны, афиняне изгнали четырех своих послов в Спарту, вероятно, также обвиненных в измене – Эпикрата,

Андокида, Кратина и Эвбулида. По словам историка Филохора, послы были изгнаны по предложению Каллистрата, не дожидаясь суда (Philoch. FGrHist. 328. F. 149a). Однако Демосфен в речи «О предательском посольстве» отмечает, что афиняне приговорили к смерти послов, среди которых был Эпикрат. Оратор перечисляет обвинения, предъявленные послам: они во время посольства действовали вопреки предписанию; некоторые из них обличены в том, что докладывали Совету и сообщали в письмах неправду; лгали насчет союзников и принимали подкуп. Далее Демосфен сообщает, что смертную казнь Эпикрату заменили изгнанием (Dem. XIX, 277–280). В речи «Против Эпикрата» Лисий упоминает об обвинениях Эпикрата и «бывших с ним послов», причем суд над ним имел место еще до завершения Коринфской войны (Lys. XXVII. 1)⁹.

Позднее, в 367 г. до н.э., афиняне осудили на смерть и казнили своего посла в Персию Тимагора по обвинению в измене. По словам Ксенофона, Тимагор во всех мнениях прымкал к фиванской делегации, руководимой Пелопидом, и был почен царем после Пелопида больше всех остальных греков (Xen. Hell. VII. 1. 38). Эти почести были поистине необычными для греческих послов¹⁰, и они привели античных писателей в изумление. По данным Плутарха, Тимагор получил не только золото и серебро в размере 10 тыс. дариков, но и драгоценное ложе и рабов, чтобы его застилать, и даже 80 коров с пастухами, под тем предлогом, что, страдая какой-то болезнью, постоянно нуждался в коровьем молоке; носильщики, доставившие его к берегу моря, получили от имени царя по 4 таланта (Plut. Pel. 30; Artax. 22; Phot. s.v. Τίμαγορας). Демосфен говорит о том, что Тимагор получил от царя 40 талантов (Dem. XIX. 137). Надо думать, что не только поддержка фиванских послов была причиной обильных даров, которые хотя и не были редкими при персидском дворе, но определенно не входили в число тех, которые получали от царя чужеземные послы. В источниках содержатся косвенные указания на то, что Тимагор всячески угождал персидскому царю: очевидно, он с готовностью исполнил *проскиннесис* (Athen. II. 31; Suid. s.v. Τίμαγορας), затем направил царю какое-то тайное послание через писца Булурида (Plut. Artax. 22), мог обещать Артаксерксу убедить своих сограждан принять условия мирного договора (намек на последнее обстоятельство дает Демосфен: XIX. 137) и, наконец, расторгнуть соглашение о дружбе между афинянами и спартанцами (Suid. s.v. Τίμαγορας). В любом случае, по возвращении в Афины Леонт, его коллега по дипломатической миссии в Сузы, возбудил обвинение против Тимагора и добился

его казни (Xen. Hell. VII. 1. 38; Plut. Pel. 30, Artax. 22; Dem. XIX, 31, 137, 191).

Особо примечательный случай обвинения в предательстве целого ряда афинских граждан имел место в 338 г. до н.э., перед лицом военной угрозы со стороны Филиппа II. После поражения афинян в битве при Херонее оратор Ликург обвинил в предательстве и добился казни стратега Лисикла, командовавшего афинскими войсками в сражении¹¹. Диодор (XVI. 88. 2) приводит цитату из обвинительной речи оратора, в которой есть очень эмоциональные заявления: «Ты был стратегом, Лисикл, тысяча граждан погибли, и две тысячи были взяты в плен. Трофей стоит на месте поражения нашего города и вся Греция в рабстве. Все это происходило под твоим руководством и командой, и все же ты смеешь жить и смотреть на солнце и даже ходить на рынок, живой памятник позора нашей страны и бесчестия». Однако еще до самого сражения афиняне на народном собрании приняли решение, запрещающие кому-либо покидать город в условиях военной опасности. Это решение произвело определенный резонанс, и, безусловно, способствовало сплочению населения Афин перед лицом опасности. Однако оно выявило и лиц, пренебрегших этим решением и потому заклейменных афинянами как предателей. Так, оратор Гиперид (III. 29–30) предъявил обвинение некоему метеку Афиногену за то, что он покинул Афины накануне битвы при Херонее, а не стал сражаться с врагом. Когда афиняне потерпели поражение, уже Ликург обвинил в предательстве ареопагита Автолика за оставление территории Аттики, добившись его казни афинянами (Lyc. I. 52–53; Aesch. III. 252), а еще спустя семь лет он обвинил в оставлении города Леократа, и только разница в один голос спасла последнего от смерти (Lyc. I. Passim; Aesch. III. 252)¹².

В произведениях древнегреческих авторов содержатся как общие оценки такого феномена, как предательство, так и ссылки на законодательство, которое касается этого явления в целом. Общую оценку предательству дает Ксенофонт, который в своей «Греческой истории» (Hell. II. 3. 29) словами олигарха Крития заявляет: «Ведь предательство тем ужаснее открытой войны, что от тайных козней труднее уберечься, чем от открытого нападения. И к предателю следует относиться супротивнее, чем к врагу; с врагом возможно ведь примирение и обмен дружественными клятвами, тогда как никто и никогда не станет заключать договоров или вообще в чем-либо доверять человеку, уличенному в предательстве». В афинском законодательстве предатели заслуживали того же наказания, что и виновные в религиозных преступлениях, о чем говорит еще одно свидетельство Ксено-

фона (Hell. I. 7. 22): «Лица, предавшие город или похитившие посвященные богам предметы, подлежат суду. Если они будут осуждены, то запрещается хоронить их в Аттике, а имущество их конфискуется в казну». На подобное обхождение с предателями указывает и Фукидид (I. 138) в своем сообщении о перезахоронении в Афинах известного афинского политика Фемистокла, который последние годы своей жизни провел на территории Ахеменидской державы, умер и был погребен в малоазийском городе Магнесии-на-Меандре: «Останки Фемистокла, как говорят, были его близкими тайно преданы земле в Аттике: открыто его нельзя было похоронить в родной земле, так как он был изгнан за измену». Подобным образом и оратор Ликург в своей речи «Против Леократа» также свидетельствует о том, что после того как афинянин Фриних в 411 г. до н.э. был посмертно обвинен в предательстве, народ принимает постановление, предложенное Критием: обвинить мертвого в предательстве и, если окажется, что он, будучи предателем, похоронен в афинской земле, выкопать его кости и выбросить их за пределы Аттики (I. 113).

Таким образом, вполне определенно, что предателям афиняне отказывали в захоронении в своей стране¹³. Вероятно, таким же образом могли поступать и другие греки. По крайней мере, Диодор Сицилийский (XVI. 25. 2) в отношении обвиненных в религиозных преступлениях отмечает, что «был общий закон у всех греков бросать непогребенными тела святотатцев» (παρὰ πασὶ τοῖς Ἐλλῆσι κοινὸς νόμος ἐστὶν ἀτάφους ρίπτεσθαι τοὺς οἱεροσύλους). Конец знаменитого афинского военачальника Фокиона, драматично описанный Плутархом (Phoc. 33. 3), также привлекает внимание, поскольку этот афинянин был казнен в соответствии с решением народного собрания в Афинах также по обвинению в предательстве. Плутарх (Phoc. 38), в частности, рассказывает об этом эпизоде следующее: «И тем не менее, враги Фокиона... провели новое постановление – чтобы труп его был выброшен за пределы Аттики, и чтобы ни один афинянин не смел разжечь огонь для его погребального костра. Поэтому никто из друзей не решился коснуться его тела, и некий Конопион, обыкновенно бравший на себя за плату подобного рода поручения, увез мертвого за Элевсин и там сжег, принеся огонь из Мегариды. На похоронах присутствовала супруга Фокиона со своими рабынями, она насыпала на месте костра могильный холм и совершила надгробные возлияния, но кости спрятала у себя на груди и, принеся ночью к себе в дом, зарыла у очага...».

Свое негативное отношение к измене выражает оратор Динарх в своей речи «Против Филокла»: «В случае же явного и всеми признанного

предательства на первый план должны быть поставлены гнев и соразмерное с ним наказание. В самом деле, какие ценности, имеющиеся в городе, не продал бы, по-вашему, этот субъект, если бы вы назначили его, как человека верного и справедливого, их стражем? Какие триеры, находящиеся на верфях, не выдал бы он врагу? О какой страже стал бы он думать, если бы надеялся незаметно получить вдвое большую сумму, чем получил теперь? Нет ничего, гражданине, на что бы не пошел такой человек! Ибо тот, кто серебро и золото ценит больше вашего доверия, тот ни клятве, ни стыду, ни справедливости не придает такого значения, как возможности получить взятку, тот, насколько это будет зависеть от него, продаст и Мунихию, если найдет покупателя, тот во вред вам разгласит и откроет врагам пароль, тот предаст и сухопутное, и морское войско».

Вообще же, перечисление оратором действий, которые бы подпадали под определение предательства, вероятно, имеет непосредственную связь с содержанием еще одного афинского закона в отношении *продосии*, который цитирует оратор Гиперид в своей речи «В защиту Евксениппа». Согласно афинскому закону об исангелии¹⁴, предательство приравнивается к другому тягчайшему преступлению в Афинах – заговору с целью ниспровержения демократии: «Или если кто вступит в заговор или организует гетерию для ниспровержения демократии, или предаст какой-либо [наш] город, или флот, сухопутное либо морское войско, или если оратор будет выступать во вред афинскому народу, получая за это деньги» (IV. 8). В другой речи, «В защиту Ликофона» (I. F. 3) оратор ставит в один ряд предательство верфей, поджог правительственных зданий, захват Акрополя. Оратор Лисий (XXXI. 26) ссылается на этот закон, когда заявляет, что если бы кто-то предал крепость, или флот, или лагерь, в котором находится часть граждан, то этот бы человек был наказан высшей мерой наказания (*τᾶς ἐσχάταις ἀν ζημίαις ἐξημιόπτο*). В свою очередь, Ликург в речи «Против Леократа» ссылается на афинскую стелу, находящуюся в Булевтерионе и содержащую псефизму, принятую после восстановления демократии в Афинах в 403 г. до н.э.: «если кто-нибудь будет стремиться к тирании или захочет предать город или уничтожить демократию, пусть тот, кто заметил это и убил его, считается невиновным». Таким образом, и в этом постановлении предательство уравнивается с такими преступлениями против полиса, как стремление к тирании или ниспровержение демократии, и провозглашается неприкосновенность убийцы предателя.

Демосфен (XXIV. 144) цитирует клятву членов Совета, в которой, с одной стороны, также приравниваются предательство, заговор против демократии и невыплата положенных сумм в казну при взятии на откуп налога, а с другой – дается разрешение подвергать аресту виновных в этих преступлениях: «...и я не буду заключать в тюрьму никого из числа граждан Афин, который выставит троих поручителей, платящих такую же сумму налогов, за исключением случая, когда заподозренный человек будет уличен в предательстве или заговоре против демократии, также когда подозреваемый человек будет уличен в том, что, взяв на откуп сбор налога (или выступив поручителем или сборщиком налога для откупщиков), не выплатит положенных сумм»¹⁵. Важно то обстоятельство, что афинское законодательство рассматривало предательство в совокупности с другими государственными преступлениями, а не выделяло его в особый закон. Это может быть причиной стремления афинян найти в действиях обвиненного не только собственно измену, но и другие преступления, подпадавшие под действие упомянутых законов. Поэтому Ликург в окончательной формулировке своего обвинения заявляет (I. 147): «Всем должно быть ясно, что Леократ является виновным в предательстве, так как оставил город в беде на произвол врага, в ниспровержении демократии, так как он не подвергался опасности за свободу, в святотатстве, так как по его вине разорялись святилища и уничтожались до основания храмы; в преступлении по отношению к родителям, так как он тайно увез их изображения, лишив их установленных обычай; в дезертирстве и в уклонении от военной службы, так как он не явился в распоряжение стратегов».

В заключение заметим, что, во-первых, толкование предательства, не сводящего его только к измене в пользу врага, а во-вторых, уравнивание предательства с другими государственными преступлениями, такими как стремление к тирании, намерение свергнуть демократию, святотатство, наказаниями за которые была смертная казнь, приводили к тому, что клише «предатель» в Греции получали не только замеченные в связях с врагами, но и все те, кто не проявил должного радения об интересах отечества. Таким образом, предательство в понимании греков было противно самому духу гражданского коллектива, нарушило его сплоченность, подрывало моральный дух, а потому, должно было быть сурово наказано.

Примечания

1. В Фессалии: Алевады из г. Лариссы (Форак и его братья Эврипил и Фрасидей: Hdt. IX. 1. 58; Ctesias FGrHist. 688. F. 13), в трахинской области – Каллиад и Тимаферн (Ctesias FGrHist. 688. F. 13); в Беотии: в Фивах – лидеры олигархов Аттагин, сын Фриона (Hdt. IX. 15–16, 86, 88; Athen. IV. 30; Plut. De Her. malign. 864f) и Тимегенид, сын Герпия (Hdt. IX. 38, 86–87), в Орхомене – некий Ферсандр (Hdt. IX. 16); на Эгине в 490 г. до н.э. Криос, сын Поликрита, и Кисамб, сын Аристократа (Hdt. VI. 73); в Эретрии в 490 г. до н.э. – Эвфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Кинея (Hdt. VI. 101) и в 480 г. до н.э. – Гонгилл (Thuc. I. 128. 6; Xen. Hell. III. 1, 6; Diod. XI. 44. 3); в Афинах – сторонники Писистратидов: так называемые «друзья тиранов» во главе с Гиппархом, сыном Харма (Arist. Ath. pol. 22. 4, 6; Androtion FGrHist. 324. F. 6). Представители знатного афинского рода Алкмеонидов также подозревались в измене в пользу персов, как об этом можно судить по рассказу Геродота (VI. 123–124) о сигнале щитом во время Марафонской битвы, а также по материалам острака, свидетельствующих об изгнании из Афин некоторых наиболее видных афинян, в том числе, из Алкмеонидов.

2. Лексикон Суды ссылается на упомянутую клятву греков, однако предполагает ведение военных действий против городов персофилов: «уплатить десятину: дать десятину, в отношении которой греки принесли клятвы. Если победят, то выступить походом и собрать десятину со всех в пользу Пифо» (Suid. s.v. δεκατεῖσιν). Обет собрать десятину с греков, перешедших на сторону Персии, содержится и в версиях клятвы, принесенной перед битвой при Платеях в 479 г. до н.э. (Lyc. I. 81; Tod. II. 204 = Rhodes, Osborne. GHI. 88). Причем в афинской версии клятвы особо оговаривается требование собрать десятину с фиванцев: «я соберу десятину с города фиванцев» (сткк. 32–33). На это условие клятвы дважды ссылается Ксенофонт: оба раза он упоминает «старинное решение собрать десятину с фиванцев» (Xen. Hell. VI. 3. 20; 5. 35). Юстин (XI. 3. 10) замечает, что после победы над персами все связали себя клятвой разрушить Фивы (*ut victis Persis Thebas diruerent*); в этом отрывке речь идет о клятвах (*omnes*) эллинов перед битвой при Платеях. В анонимной жизни Эзопа сообщается об интересующей нас практике греков наложения десятины после захвата города, хотя и не говорится непосредственно о его разрушении: «Существует древний обычай у эллинов, что если они захватывают город, они посыпают десятую часть добычи Аполлону, от ста быков – десять, от коз – то же самое, и от других – то же, а также из денег, от мужчин, от женщин» (Vita Aesopi G. 126). Однако, в источниках есть только одно свидетельство о разрушении города, обвиненного в мидизме. Витрувий (I. 5) сообщает: «Кария, город в Пелопоннесе, вступил в соглашение с персидским врагом против Греции (Carya, civitas Peloponensis, cum Persis hostibus contra Greciam consensit). Позднее греки в результате прославленной победы избавились от своей войны, и сообща начали войну против кариятов (communi consilio Caryatibus bellum indixerunt). В результате, захватив крепость, убив мужчин и

предав огню город (itaque oppido capto, viris interfectis, civitate deflagrata), они увели женщин в рабство...».

3. Эпизод предательства Эсхина и Агасия детально исследовал Ф.Д. Харви. Последний для своего анализа привлек данные афинских острака с Керамика, относящиеся к началу V в. до н.э., которые содержали имя Агасия [35].

4. Л.А. Лозада сводит воедино в таблицу все случаи предательства при сдаче города врагу, известные из источников, которые относятся к периоду Пелопонесской войны. Он отмечает 27 таких эпизодов [4, р. 16–23; 36, р. 127–128].

5. Об уклонении от военной службы в Афинах см.: [37; 38, р. 45–87].

6. О судебных процессах против стратегов в целом: [39, р. 140–157; 40, с. 294–331]. Э. Караван выводит из источников различные причины обвинения стратегов в измене [41, р. 175–176].

7. С. Перлман замечает, что обвинения в подкупе послов были всегда связаны с обвинением в предательстве [42, р. 224].

8. Об «Аргинусском деле» существует огромная зарубежная литература, но наиболее обстоятельное исследование на русском языке принадлежит Т.В. Кудрявцевой [40, с. 297–312].

9. Ранее Эпикрат участвовал (совместно с Формицием) еще в одной дипломатической миссии в Персию в 394/3 г. до н.э., в ходе которой также принял царские дары, определяемые комедиографом Платоном как взятки – позолоченные и посеребренные пластинки (F. 119). Однако этот опыт закончился для него без экс-цессов. В античной традиции известность приобрели слова Эпикрата, сказанные в экклесии, что нужно собранию вместо девяти архонтов ежегодно выбирать девять послов к царю из числа самых простых и бедных граждан, чтобы те разбогатели благодаря его щедротам (Plut. Pel. 31; Athen. VI. 58 P.251a-b).

10. В изложении Элиана до нашего времени дошел перечень таких «обычных даров» царя, которые могут быть отражением складывания дипломатической традиции, но даже они могли вызывать не только удивление греков, но и быть поводом для обвинения в подкупе: «Послов, прибывавших к персидскому царю, были ли они элинскими или какими другими, царь одаривал так: каждому давал серебряный вавилонский талант в чеканной монете, два серебряных сосуда по таланту ценой... браслеты, кинжал, нагрудную цепь ценностью в тысячу дариков и особую мидийскую одежду, называемую дарственной» (Aelian. VH. I. 22).

11. Дж. Робертс полагает, что иск против Лисикла выдвинул его коллега по командованию – Харес [43].

12. Речь Ликурга «Против Леократа» является важнейшим источником по восприятию афинянами и конкретно Ликургом предательства и патриотизма в классический период истории Греции. Речь демонстрирует, что предательство в интерпретации Ликурга не сводилось только к военному преступлению, но было более обобщенной категорией. Покинув город в условиях военной угрозы, Леократ, по мнению оратора, предал религиозные святыни афинян, память своих предков, своих товарищей, как живых, так и павших [44].

13. В.Дж. Розивач приводит и другие примеры, когда было отказано в захоронении афинянам; среди про-

тих исследователь называет оратора Антифонта [45, p. 193–194].

14. Различные варианты передачи этого закона у античных авторов см.: [40, с. 275–276; 46, с. 391–393]. По мнению Т.В. Кудрявцевой, закон об исангелии в более полном виде приводится у одного из лексикографов (*Lexicon Rheticum Cantabrigiense*, s.v. ἔισαγγελία), который ссылается на четвертую книгу труда Феофраста «О законах»: «...Если кто-нибудь пытается ниспревергнуть [власть] народа или оратор не дает наилучшие советы, взяв деньги, или если кто-нибудь предаст [врагам] какое-либо место, либо флот, либо сухопутное войско, или если кто-нибудь перейдет к врагам или переселится к ним, или если кто-нибудь пойдет вместе с ними в поход или возьмет взятку». Более сжатая формулировка закона представлена у Поллукса (VIII. 51) – также со ссылкой на Феофраста [46, с. 392].

15. О праве булеевтов подвергать аресту виновных в измене см. подробнее: [47, р. 302].

Список литературы

1. Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin: University of Texas Press, 1913. 172 p.
2. Chroust A.-H. Treason and Patriotism in Ancient Greece // Journal of the History of Ideas. 1954. V. 15. № 2. P. 280–288.
3. Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 228 p.
4. Losada L.A. The Fifth Column in the Peloponnesian War. Leiden: E.J. Brill, 1972. 156 p.
5. Jong de L. The German Fifth Column, 1933–1945. Netherlands: State Institute for war documentation, 1952. 160 p.
6. Йонг Л. де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М.: Международная литература, 1958. 448 с.
7. MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. L.: Thames and Hudson, 1978. 280 p.
8. Bottineau Queyrel A. *Prodosia. La notion et l'acte de trahison dans l'Athènes du Ve siècle*. Bordeaux: Ausonius, 2010. 543 p.
9. Bottineau Queyrel A. Pour des fils de traîtres, quelle place dans la cité? // *L'Hellénisme, d'une rive à l'autre de la Méditerranée: Mélanges offerts à André Laronde* / Ed. par J.-Ch. Couvenhes, Ch. Chandeson, C. Dobias, F. Lefèvre et É.P. Saminadayar. Paris: De Boccard, 2012. P. 361–393.
10. Bottineau Queyrel A. «Rappeler leurs anciennes trahisons serait un long travail»: les Thébains selon Isocrate // La représentation négative de l'autre dans l'Antiquité – Hostilité, réprobation, depreciation / sous la dir. de A. Queyrel Bottineau. Dijon: Editions universitaires de Dijon, 2014. P. 269–295.
11. Bottineau Queyrel A. Tahir la Grèce dans l'Enquête d'Hérodote – La portée des mots et l'identité athénienne // Historia. 2015. Bd. 64. Ht. 4. P. 387–412.
12. Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. 416 p.
13. Lévy E. La trahison et son vocabulaire chez Thucydide // Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 33–52.
14. Bottineau Queyrel A. Figures du traître et trahison dans l'imaginaire de l'Athènes classique // Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 93–157.
15. Bearzot C. La légitimité de la trahison. À propos de quelques passages de Thucydide // Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 161–172.
16. Ducrey P. Guerre et trahison // Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 229–242.
17. Myres J.L. Μηδίζειν, Μηδισμός // Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray. Oxford: Clarendon Press, 1936. P. 97–105.
18. Jonkers E.J. Μῆδοι, τὰ Μηδικά, Μηδισμός // *Studia varia Carolo Guiliemo Vollgraff*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1948. P. 78–83.
19. Gugel H. Medismos // Der Kleine Pauly. Lexikon der alten Welt. 1979. Bd. III. Sp. 1133.
20. Graf D. Medism: the Origin and Significance of the Term // Journal of Hellenic Studies. 1984. V. 104. P. 15–30.
21. Tuplin C.J. Medism and its Causes // *Transeuphratène. Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'Empire Achéménide*. Gabalda, 1997. V. 13. P. 155–185.
22. Wolski J. ΜΗΔΙΣΜΟΣ et son importance en Grèce à l'époque des Guerres Médiques // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 1. P. 3–15.
23. Gillis D. Collaboration with the Persians (Historia. Einzelschriften. Ht. 34). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1979. 87 p.
24. Graf D.F. Medism. Greek Collaboration with Achaemenid Persia. Diss. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1979. 410 p.
25. Ungern-Sternberg J. von. Kollaboration von der Antike bis zum 21 Jahrhundert: Ein Diskussionbeitrag // *Studia Humaniora Tartuensia*. 2000. V. 5. B. 2. S. 1–10.
26. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
27. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
28. Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». М.: Вече, 2009. 304 с.
29. Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 14–35.
30. Рунг Э.В. Мидизм в период Греко-персидских войн: К вопросу о наказании сторонников персов в Греции в 480–479 гг. до н.э. // *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал*. Вып. 2. Казань–Саратов – Н. Новгород: Изд-во Саратовского гос. университета, 2007. С. 256–272.
31. Rung E. Herodotus and Greek Medism // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian*

- Scholars in Ancient Greek and Roman History. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 71–82.
32. Рунг Э.В. Был ли мидизм античным коллаборационизмом? // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. С. 126–136.
33. Рунг Э.В., Венидиктова Е.А. Аргос в период Греко-персидских войн: нейтралитет или мидизм? // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. С. 136–145.
34. Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 641 с.
35. Harvey F.D. The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd.66. Ht. 1. P. 58–73.
36. Losada L.A. Fifth Columns in the Peloponnesian War: How They Worked and the Defense Against Them // Klio. 1972. Bd. 54. Ht. 1. P. 125–145.
37. Christ M.R. Draft Evasion Onstage and Offstage in Classical Athens // Classical Quarterly. 2004. V. 54. № 1. P. 33–57.
38. Christ M.R. The Bad Citizen in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 263 p.
39. Hamel D. Athenian Generals. Military Authority in the Classical Period. Leiden – Boston – Keln: Brill, 1998. 250 p.
40. Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.
41. Carawan E. M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1989. V. 28. P. 167–208.
42. Perlman S. On Bribing Athenian Ambassadors // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1976. V. 17. № 3. P. 223–233.
43. Roberts J.T. Chares, Lysicles and the Battle of Chaeronea // Klio. 1982. Bd. 64. P. 367–371.
44. Рунг Э.В., Востриков И.В. Тема предательства и патриотизма в речи Ликурга «Против Леократа» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманистические науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 150–157.
45. Rosivach V.J. On Creon, Antigone and not burying the Dead // Rheinisches Museum für Philologie. 1983. Bd. 126. Ht. 3–4. P. 193–211.
46. Кудрявцева Т.В. Народный суд и афинская демократия: Дис. ... д.и.н. СПб., 2008. 677 с.
47. Hunter V. The Prison of Athens: A Comparative Perspective // Phoenix. 1997. V. 51. № 3/4. P. 296–326.

ПРОЛОГИА: THE PHENOMENON OF BETRAYAL IN CLASSICAL GREECE

E.V. Rung

The article examines the Greeks' treatment of betrayal in the Classical period (5th–4th centuries B.C.). The Greeks considered some political and military actions as betrayal including the surrender of one's city to the enemy or other forms of collaboration with the enemy. Besides, they defined as betrayal any action damaging to their city such as desertion from the military service, unfavorable outcome of the military campaign or the battle, diplomatic failures. In the understanding of the Greeks, betrayal was contrary to the spirit of the citizens' body, undermined its morale and cohesion and, therefore, had to be punished severely. In Athens, traitors were punished in accordance with the laws which put betrayal on a par with other serious crimes against the state, such as the desire for tyranny, the intention to overthrow democracy, and blasphemy. All these crimes were punishable by death.

Keywords: ancient Greece, treason, betrayal, patriotism, Greek law.

References

1. Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin: University of Texas Press, 1913. 172 p.
2. Chroust A.-H. Treason and Patriotism in Ancient Greece // Journal of the History of Ideas. 1954. V. 15. № 2. P. 280–288.
3. Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 228 p.
4. Losada L.A. The Fifth Column in the Peloponnesian War. Leiden: E.J. Brill, 1972. 156 p.
5. Jong de L. The German Fifth Column, 1933–1945. Netherlands: State Institute for war documentation, 1952. 160 p.
6. Jong L. de. Nemeckaya pyataya kolonna vo Vtoroj mirovoj vojne. M.: Mezhdunarodnaya literatura, 1958. 448 c.
7. MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. L.: Thames and Hudson, 1978. 280 p.
8. Bottineau Queyrel A. Prodosia. La notion et l'acte de trahison dans l'Athènes du Ve siècle. Bordeaux: Ausionius, 2010. 543 p.
9. Bottineau Queyrel A. Pour des fils de traîtres, quelle place dans la cité? // L'Hellénisme, d'une rive à l'autre de la Méditerranée: Mélanges offerts à André Laronde / Ed. par J.-Ch. Couvenhes, Ch. Chandzon, C. Dobias, F. Lefèvre et É.P. Saminadayar. Paris: De Boccard, 2012. P. 361–393.
10. Bottineau Queyrel A. «Rappeler leurs anciennes trahisons serait un long travail»: les Thébains selon Isocrate // La représentation négative de l'autre dans l'Antiquité – Hostilité, réprobation, depreciation / sous la dir. de A. Queyrel Bottineau. Dijon: Editions universitaires de Dijon, 2014. P. 269–295.
11. Bottineau Queyrel A. Trahir la Grèce dans l'Enquête d'Hérodote – La portée des mots et l'identité athénienne // Historia. 2015. Bd. 64. Ht. 4. P. 387–412.
12. Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. 416 p.
13. Lévy E. La trahison et son vocabulaire chez Thucydide // Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 33–52.

14. Bottineau Queyrel A. Figures du traître et trahison dans l'imaginaire de l'Athènes classique // *Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international* (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 93–157.
15. Bearzot C. La légitimité de la trahison. À propos de quelques passages de Thucydide // *Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international* (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 161–172.
16. Ducrey P. Guerre et trahison // *Trahison et traîtres dans l'Antiquité / Actes du colloque international* (Paris, 21–22 septembre 2011) / Ed. par A. Queyrel Bottineau, J.-Chr. Couvenhes, A. Vigourt. Paris: De Boccard, 2012. P. 229–242.
17. Myres J.L. Μηδίζειν, Μηδισμός // *Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray*. Oxford: Clarendon Press, 1936. P. 97–105.
18. Jonkers E.J. *Mh`doi, ta; Mηδικά, Μηδισμός* // *Studia varia Carolo Guiliemo Vollgraff*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1948. P. 78–83.
19. Gugel H. *Medismos* // *Der Kleine Pauly. Lexikon der alten Welt*. 1979. Bd. III. Sp. 1133.
20. Graf D. Medism: the Origin and Significance of the Term // *Journal of Hellenic Studies*. 1984. V. 104. P. 15–30.
21. Tuplin C.J. Medism and its Causes // *Transeuphratène. Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'Empire Achéménide*. Gabalda, 1997. V. 13. P. 155–185.
22. Wolski J. ΜΗΔΙΣΜΟΣ et son importance en Grèce à l'époque des Guerres Médiques // *Historia*. 1973. Bd. 22. Ht. 1. P. 3–15.
23. Gillis D. Collaboration with the Persians (Historia. Einzelschriften. Ht. 34). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1979. 87 p.
24. Graf D.F. Medism. Greek Collaboration with Achaemenid Persia. Diss. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1979. 410 p.
25. Ungern-Sternberg J. von. Kollaboration von der Antike bis zum 21 Jahrhundert: Ein Diskussionsbeitrag // *Studia Humaniora Tartuensia*. 2000. V. 5. B. 2. S. 1–10.
26. Semiryaga M.I. Kollaboracionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny. M.: ROSSPEhN, 2000. 863 s.
27. Kovalev B.N. Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy. Velikij Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2009. 372 s.
28. Gilyazov I.A. Legion «Idel'-Ural». M.: Veche, 2009. 304 s.
29. Rung Eh.V. Fenomen midizma v politicheskoy zhizni klassicheskoy Grecii // *Vestnik drevnej istorii*. 2005. № 3. S. 14–35.
30. Rung Eh.V. Midizm v period Greko-persidskikh vojn: K voprosu o nakazaniy storonnikov persov v Grecii v 480–479 gg. do n.eh. // *Antiquitas Aeterna. Povolzhskij antikovedcheskij zhurnal*. Vyp. 2. Kazan' – Saratov – N. Novgorod: Izd-vo Saratovskogo gos. universiteta, 2007. S. 256–272.
31. Rung E. Herodotus and Greek Medism // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 71–82.
32. Rung Eh.V. Byl li midizm antichnym kollaboracionizmom? // *Patriotizm i kollaboracionizm v mirovoj istorii*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2015. S. 126–136.
33. Rung Eh.V., Venidiktova E.A. Argos v period Greko-persidskikh vojn: nejtralitet ili midizm? // *Patriotizm i kollaboracionizm v mirovoj istorii*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2015. S. 136–145.
34. Surikov I.E. Ostrakizm v Afinah. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006. 641 s.
35. Harvey F.D. The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // *Klio*. 1984. Bd.66. Ht. 1. P. 58–73.
36. Losada L.A. Fifth Columns in the Peloponnesian War: How They Worked and the Defense Against Them // *Klio*. 1972. Bd. 54. Ht. 1. P. 125–145.
37. Christ M.R. Draft Evasion Onstage and Offstage in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2004. V. 54. № 1. P. 33–57.
38. Christ M.R. The Bad Citizen in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 263 p.
39. Hamel D. Athenian Generals. Military Authority in the Classical Period. Leiden – Boston – Koln: Brill, 1998. 250 p.
40. Kudryavceva T.V. Narodnyj sud v demokratiskikh Afinah. SPb.: Aletejya, 2008. 464 s.
41. Carawan E. M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles and Cimon // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1989. V. 28. P. 167–208.
42. Perlman S. On Bribing Athenian Ambassadors // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1976. V. 17. № 3. P. 223–233.
43. Roberts J.T., Chares, Lysicles and the Battle of Chaeronea // *Klio*. 1982. Bd. 64. P. 367–371.
44. Rung Eh.V., Vostrikov I.V. Tema predatel'stva i patriotizma v rechi Likurga «Protiv Leokrata» // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2014. T. 156. Kn. 3. S. 150–157.
45. Rosivach V.J. On Creon, Antigone and not burying the Dead // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1983. Bd. 126. Ht. 3–4. P. 193–211.
46. Kudryavceva T.V. Narodnyj sud i afinskaya demokratiya: Dis. d.i.n. SPb., 2008. 677 s.
47. Hunter V. The Prison of Athens: A Comparative Perspective // *Phoenix*. 1997. V. 51. № 3/4. P. 296–326.